
А.А. Казаков

**«ЗАЩИТНИКИ БРАТЬЕВ-СЛАВЯН» И ПОЛЕМИКА О НИХ
В «АННЕ КАРЕНИНОЙ» Л.Н. ТОЛСТОГО
И «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В «Анне Карениной» дана скептическая оценка поддержки освободительной войны балканских народов. Л.Н. Толстому интересна скрытая подоплека идеологических деклараций, оправдывающих военные действия против турок, предвосхищая деконструкцию в духе современных постколониальных исследований. Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» полемически откликается на толстовскую оценку событий. Этот момент может помочь в понимании взглядов писателей и процессов национального самосознания.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, балканские освободительные войны, добровольческое движение, «защитник братьев-славян», «Анна Каренина», «Дневник писателя», постколониальные исследования.

Важным явлением национального самосознания и трансславянского взаимодействия в 1870-е гг. было добровольческое движение в поддержку освободительной войны балканских народов против Османской империи. Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина» отзывается об этом движении очень нелестно. Достоевский, который видел в поддержке балканских славян возвышенный духовный смысл, в «Дневнике писателя» осуждает Толстого и слова его героев по этому поводу. Этот момент симптоматичен и для понимания взглядов великих русских писателей, и для характеристики процессов национального и общеславянского самосознания в это время.

Обозначим исторический контекст, который стал поводом для заочной дискуссии Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Летом 1875 г. жители Герцеговины, а чуть позже Боснии восстали против турецких властей. В апреле 1876 г. началось восстание в Болгарии. В июне 1876 г. Сербия, которая была автономией Османской империи, в союзе с Черногорией объявила войну своему сюзерену.

Чудовищный размах карательных мер со стороны турецких властей (только в Болгарии погибло свыше 30 тыс. мирного населения)

вызвал большой резонанс по всей Европе. Еще в августе 1875 г. в Париже был сформирован международный комитет помощи угнетенному балканскому населению.

Особый характер приобретает отклик на балканские события в России. Для российских властей и в существенной степени для русской общественности с этим связывается жажда реванша после поражения в Крымской войне. Сопричастность тому, что происходит с балканскими славянами, в русском обществе оказывается более содержательной по сравнению с абстрактным общегуманитарным сочувствием остальной Европы. Этническое, религиозное родство и в существенной степени общность врага порождают масштабное общественное движение в поддержку повстанцев.

Характерным можно считать отклик И.С. Тургенева, написавшего стихотворение «Крокет в Виндзоре» (1876), в котором ответственность за жертвы возлагается на Великобританию, чья протурецкая политика (включавшая после Крымской войны гарантии военной поддержки в пользу Турции в случае объявления войны Россией) развязывала руки Османской империи. Тургенев, как известно, интересовался славяно-турецким противостоянием и раньше; показательным примером этого интереса был, например, роман «Накануне» (1860).

Помимо гуманитарной помощи балканским славянам, средства на которую собирают специальные комитеты (членом одного из них в «Анне Карениной» оказывается Сергей Кознышев, старший единокровный брат «толстовского» героя Константина Левина), зарождается масштабное добровольческое движение (одним из таких добровольцев в романе Толстого стал Вронский, потерявший цель и смысл жизни после гибели Анны Карениной¹).

Первой вехой добровольческого движения стало прибытие на Балканы в мае 1876 г. генерала М.Г. Чернова с группой офицеров. По-настоящему массовым этот процесс стал после гибели в Болгарии в июле 1876 г. Н.А. Киреева, брата виднейшего славянофила А.А. Киреева. Откликаясь на лавинообразный рост числа добровольцев, Александр II 27 июля 1876 г. дал официальное разрешение офицерам выходить в отставку для участия в балканской войне с правом восстановления в том же звании после возвращения. Напрямую Российская империя вступит в войну в 1877 г., и так называемый «Восточный кризис» перейдет в другую фазу [2–4].

---

¹ См. об этом также [1].

Именно летние события 1876 г. (до официального вступления в войну Российской империи) становятся историческим фоном и предметом обсуждения для героев последней VIII части романа «Анна Каренина». Она выходит в 1877 г. отдельной книжкой, потому что редакция «Русского вестника», в котором публиковался роман, отказалась публиковать эту часть. Причиной отказа стала именно оценка добровольческого движения, которую дали герои Толстого.

Достоевский полемически комментирует эту оценку в выпуске «Дневника писателя» за июль – август 1877 г., посвящая этому вопросу больше половины своего альманаха.

***

Роман «Анна Каренина» наполнен полемическими заявлениями на животрепещущие темы. Лев Николаевич, как обычно, стремится к максимальной прямоте, чуждаясь компромиссов. Это, например, сказывается в характере звучания в романе предельно злободневного вопроса о женском равноправии: один из героев «Анны Карениной» саркастично требует для себя равных прав с женщинами и, в частности, возможности кормить детей грудью.

Такая же прямота и бескомпромиссность реализована и в оценках добровольческого движения и лежащего в их основе предполагаемого чувства сопричастности к братьям-славянам.

«<Левин:> Такого непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть.

– Может быть, для тебя нет. Но для других оно есть, – недовольно хмурясь, сказал Сергей Иванович. – В народе живы предания о православных людях, страдающих под игом “нечестивых агарян”. Народ услышал о страданиях своих братий и заговорил.

– Может быть, – уклончиво сказал Левин, – но я не вижу этого; я сам народ, и я не чувствую этого» [5. С. 403–404].

Далее участники дискуссии переходят от спора о том, является ли добровольческое движение действительным выражением стремлений народа, к решению более специальных вопросов, кто может репрезентативно выражать волю народа (в частности, могут ли это делать пресса и ее читатели), и если это движение не отражает глубинных национальных устремлений, то чьи возможные интересы в нем выражены.

Толстой и его герой отказываются принимать господствующую идеологическую интерпретацию, им представляется, что за фасадом должна быть скрыта другая правда:

«– Мне не нужно спрашивать, – сказал Сергей Иванович, – мы видели и видим сотни и сотни людей, которые бросают все, чтобы послужить правому делу, приходят со всех сторон России и прямо и ясно выражают свою мысль и цель. Они приносят свои гроши или сами идут и прямо говорят зачем. Что же это значит?

– Значит, по-моему, – сказал начинавший горячиться Левин, – что в восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы – в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию...» [5. С. 406].

Толстой совершает специфическую деконструкцию, в чем-то перекликающуюся с принципами постколониальных исследований, которые методологически оформились в конце XX в. [6–8]. Русский писатель пытается выяснить, какая идеологическая подоплека скрыта за утверждением права на применение силы против «варварской» Османской империи, «нечестивых агарян», по выражению Кознышева: «Но ведь не жертвовать только, а убивать турок, – робко сказал Левин. – Народ жертвует и готов жертвовать для своей души, а не для убийства» [5. С. 408].

Вопрос о чем-то корыстном интересе, скрытом за торжественными заявлениями, у Льва Николаевича сдвинут на периферию, «толстовский» герой Левин его не ставит, наличие прямой выгоды готов видеть только менее авторитетный персонаж: «Так-то и единомыслие газет. Мне это растолковали: как только война, то им вдвое дохода» [5. С. 407]. Эти слова произносит старый князь, тесть Левина, простоватый и прямодушный человек старой закалки.

Вопрос о возможном идеологическом интересе власти (определяющий в постколониальных исследованиях) у Толстого и вовсе обходится стороной. Точнее, ничего не говорится о вовлеченности этого института в узком смысле (правлящий режим). Не очень ясно, не подразумевает ли писатель ответственности какого-то другого слоя власти: «Но кто же объявил войну туркам? Иван Иванович Рагозов и графиня Лидия Ивановна с мадам Шталь?» [5. С. 403].

В «Войне и мире» Толстой уже рисовал перед нами картину власти – на примере управления армией – как тайной борьбы группировок, скрытой за видимым единоличием управления. Великий романист и в «Анне Карениной» мог иметь в виду что-то подобное, но утверждать это можно только очень осторожно, слишком силен иронический контекст утверждения о Лидии Ивановне, объявившей войну туркам.

Ф.М. Достоевский счел вполне отчетливым этот возможный отенок смысла размышлений героев Толстого. Перечисляя основные тезисы VIII части «Анны Карениной» по поводу событий лета 1876 г., он называет следующие:

«Сущность этого взгляда, насколько я его понял, заключается, главное, в том, что, во-1-х, все это так называемое национальное движение нашим народом отнюдь не разделяется, и народ вовсе даже не понимает его, во-2-х, что все это *нарочно подделано, сперва известными лицами*, а потом поддержано журналистами из выгод, чтоб заставить более читать их издания, в-3-х, что все добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы, в-4-х, что весь этот так называемый подъем русского национального духа за славян был не только подделан известными лицами и поддержан продажными журналистами, но и подделан вопреки, так сказать, *самых основ*... И наконец, в-5-х, что все варварства и неслыханные истязания, совершенные над славянами, не могут возбуждать в нас, русских, непосредственного чувства жалости и что “такого непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть”. Последнее выражено окончательно и категорически» [9. С. 194] (курсив мой. – А.К.).

По мысли Достоевского, логика Толстого и его героев неизбежно должна была включать в себя и такое конспирологическое предположение.

***

Ф.М. Достоевский очень эмоционально откликается на это выступление Толстого почти сразу после выхода VIII части «Анны Карениной», посвятив более половины одного из выпусков «Дневника писателя» (за июль – август 1877 г.) специальному ответу Левину и его создателю.

То, что ответ Толстому и его герою получился таким экспрессивным, сам Достоевский объясняет тем, что до выхода последней части «Анны Карениной», в которой обсуждается славянский вопрос, автор «Дневника писателя» воспринимал этот роман Толстого как одну из реализаций русского мессианства [10], другой гранью которого Достоевский считает общеславянское единение:

«<...> для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и включает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объе-

диненных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. <...> Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я» [9. С. 195–196].

Движение в поддержку балканских славян Достоевский считает началом буквального воплощения общеславянского союза, а в «Анне Карениной» (до публикации восьмой части) ему виделось одно из первых явлений русского «нового, здорового и еще неслыханного миром слова».

Достоевский предлагает диаметрально противоположную по сравнению с Толстым оценку включения России в балканские события: «"Великий восточный орел взлетел над миром, сверкая двумя крылами на вершинах христианства"; не покорять, не приобретать, не расширять границы он хочет, а освободить, восстановить угнетенных и забытых, дать им новую жизнь для блага их и человечества. <...> Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европе столь непривычным, столь вышедшим из международных обычаев, что поступок России естественно принимается Европой не только как за варварство "отставшей, зверской и непросвещенной" нации, способной *на низость и глупость* затеять в наш век что-то вроде прежде бывших в темные века крестовых походов, но даже и за безнравственный факт, опасный Европе и угрожающий будто бы ее великой цивилизации» [9. С. 196].

Автор «Дневника писателя» предлагает буквально принимать гласно заявленный высокий идеологический смысл происходящего и осуждает тех, кто отрицает саму возможность благородных намерений в большой политике (см. также [11]).

Достоевский, как и подавляющее большинство современников, не знает о тайной политической кухне, о секретном Рейхштадском соглашении, согласно которому Австрия получает право на аннексию Боснии и Герцеговины и отказывается от обязательства военной поддержки Турции (такое обязательство было одним из итогов Крымской войны). Иначе говоря, на тайной изнанке политической жизни Российская империя обменивает «братьев-славян» на актуальные геополитические результаты.

Само по себе знание об этом тайном соглашении имеет отдаленное отношение к сути вопроса. Те, кто, как толстовские герои, подозревает наличие корыстной изнанки за высокими заявлениями,

тоже не знают о существовании этого секретного протокола. Суть вопроса в борьбе концепций национального самосознания.

***

Специфические взгляды Л.Н. Толстого на предполагаемую сопричастность русского общества балканским событиям неоднократно становились предметом интереса исследователей. И.М. Порочкин рассматривает их с точки зрения славяноведа на фоне общего комплекса представлений писателя о славянском мире [12]. К. Жуков и А. Гунджи видят здесь влияние К.Н. Леонтьева и его трактата «Византизм и славянство» [13] (названный мыслитель также отнесся к движению в поддержку «братьев-славян» отрицательно и назвал его «болгаробесием»). С.А. Кибальник рассматривает идеологическую диалектику Толстого в контексте общего замысла романа (исследователь упоминает и отклик Достоевского, высказывая предположение, что толстовское мнение могло оказать влияние на сглаживание «крайних» взглядов автора «Дневника писателя» в дальнейшем) [14].

Полемический отклик Достоевского выявляет еще одну сторону идеологического скептицизма Толстого. Методологическая сущность их заочного спора связана со стремлением определить природу процессов национального самосознания: каков состав самого субъекта этого самосознания, каково место идеологически программного в духовной жизни народа. Толстой утверждает, что движение в поддержку балканских славян не имеет отношения к национальному самосознанию, этот злободневный идеологический комплекс иной природы, чем то, что может происходить в глубинах народной жизни.

Оба писателя связывают свою литературную, а может быть, и жизненную миссию именно с выражением глубинных духовных процессов народной жизни, поэтому вопрос об адекватности избранной модели этих процессов стоит для них предельно остро.

Конечно, сходство концепции Льва Николаевича и современной идеологической деконструкции в духе постколониальных исследований не делает толстовский вариант по умолчанию «более правильным». Такое подобие лишь делает этот материал научно актуальным.

Незнание тайной низкой изнанки возвышенных политических заявлений (в частности, Рейхштадтского соглашения) также не дела-

ет автоматически концепцию Достоевского неверной, а его самого таким наивным простаком, легко поддающимся идеологическому манипулированию. Как уже говорилось, подозрительность скептиков тоже не основывается на фактах, и они не знают о секретном соглашении. Дело не в соответствии фактам, друг другу противостоят именно *модели* национального самосознания.

Толстовское представление об этом феномене, как это бывает в его мире, связано с поиском скрытой истинной сущности явления, которую не видят остальные люди, потому что считают проблему решенной и очевидной и не ставят нужных вопросов. Так же строится его концепция человеческой души, истории и т.д.

«Профетическая» модель Достоевского, напротив, обращена к тому, что может прийти на ум любому, но обычно отбрасывается как нечто заведомо фантастическое. Структурно представления писателя предполагают в том числе критику модели правды как тайной изнанки и скрытой подоплеки. Движение к истине в рамках этой критикуемой Достоевским модели возможно только в форме срывания покровов и выворачивания наизнанку – именно такую механику мы видим у Толстого и в современных вариантах деконструкции. Достоевский отверг такую модель правды как тенденциозную уже в период натуральной школы (как показано еще В.В. Виноградовым [15]). Структура истины, как считает писатель, безмерно сложнее.

Возможно, бурная реакция писателя на высказывания персонажей VIII части «Анны Карениной» связана не только с их прямым содержанием, но и с тем, что Достоевский узнал в них давнего «врага».

Впрочем, скептицизм Толстого имеет более сложную структуру. Если учесть контекст «Войны и мира», его представления о глубинных процессах духовной жизни народа не сводятся к выворачиванию низкой изнанки (хотя и эта составляющая важна). 1812 г. показал, что чудо в духе профетизма Достоевского тоже может быть фактом реальности. А значит, можно предположить, что Л.Н. Толстой в «Анне Карениной» не утверждает, что высокое национальное единение всегда обман и манипулирование, а видит в движении в поддержку «братьев-славян» несоответствие той концепции подлинного народного единения, которая у него выработалась в ходе написания «Войны и мира».

Как мы помним, в «Войне и мире» была важна коллизия противопоставления «скрытой теплоты патриотизма» и декларативной

демагогии: «Толстой с сарказмом развенчивает романтическое представление, будто "все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасти отечество или плакать над его гибелью". Оплакивали Россию и говорили о самопожертвовании те, кто был далек от участия в деле» [16. С. 41].

Возможно, и Толстой увидел в движении в поддержку балканских славян давнего «врага», то, что он уяснил и отверг на предыдущих этапах творческого пути.

***

Применение относительно современных методологических подходов (наподобие постколониальной деконструкции) позволяет не только открыть новые грани в наследии классической литературы, но и обогатить методологический инструментарий самих этих подходов. Как оказалось, структурные принципы аналитики, которые нам кажутся новейшим словом нашего времени, знакомы Л.Н. Толстому и Ф.М. Достоевскому в обликах их времени.

Достоевский со времен натуральной школы борется с моделью истины как обнажения скрытой подоплеки и выворачивания тайной изнанки и в эпизоде движения в поддержку балканских славян пытается выстроить модель более сложной и многомерной правды (вне зависимости от того, был ли он прав или нет в самой оценке этого конкретного эпизода идеологической истории).

Толстой в целом допускает применимость принципов скептической деконструкции к большинству явлений современной жизни, но и в его представлениях остается возможность для подлинно высокого смысла духовной жизни, для чуда наподобие Отечественной войны. Нужно лишь отличить подлинное от огромного числа подделок и симуляций. Поиск подлинного писатель ведет на той же территории неявного и глубинного – сокрытого как от наивных жертв манипуляции, принимающих за правду идеологический фасад реальности, так и от скептиков, склонных к тотальной деконструкции.

Литература

1. Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского: К 125-летию Сербско-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М.: Индрик, 2002.
2. Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1981.
3. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878. М.: Наука, 1978.

4. О कोरोков А.В. Русские добровольцы. М: Яуза: Эксмо, 2007.
5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 9.
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский миръ, 2006.
7. Чемякин Е.Ю. «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.
8. Алексеев П.В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25.
10. Киселев В.С. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX века // Русин. 2015. № 3 (41). С. 108–127.
11. Волгин И.Л. Нравственные основы публицистики Достоевского («Восточный вопрос в «Дневнике писателя») // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1971. Т. 30, вып. 4. С. 312–322.
12. Порочкина И.М. Л.Н. Толстой и славянские народы: Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX – начала XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
13. Gunji A., Zhukov K. On the roots of Eurasianism: the epilogue of Leo Tolstoy's "Anna Karenina" and "Byzantinism and Slavdom" of Konstantin Leontiev // Studies in Language and Culture (University of Tsukuba). 2000. № 52. January 10.
14. Кибальник С.А. Споры о Балканской войне на страницах «Анны Карениной» // Русская литература. 2010. № 4. С. 39–44.
15. Виноградов В.В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 4–187.
16. Бочаров С.Г. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир». М.: Худож. лит., 1987.

“DEFENDERS OF BROTHER SLAVS” AND THE CONTROVERSY ABOUT THEM IN L.N. TOLSTOY’S ANNA KARENINA AND F.M. DOSTOEVSKY’S A WRITER’S DIARY

Kazakov Alexey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akaz75@mail.ru
Imagology and Comparative Studies, 2016, 1(5), pp.52–63. DOI: 10.17223/24099554/5/4

Keywords: L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, the wars of Balkan liberation, volunteerism, defender of brother Slavs, *Anna Karenina*, *A Writer’s Diary*, postcolonial studies.

Volunteering movement in support of the liberation war of the Balkan peoples against the Ottoman Empire was an important phenomenon of the national identity and trans-Slavic cooperation in the 1870-s. In *Anna Karenina*, L.N. Tolstoy is rather skeptical about this movement, while Dostoevsky, who sees this support as something that raises the soul, Tolstoy and his characters for their position. This is essential for understanding the views of the great Russian writers as well as for describing the processes of the national and common Slavic identity of the period.

Tolstoy's characters argue about whether volunteerism is a real expression of the people's hopes and whose potential interests it expresses. Tolstoy and his hero refuse to accept the dominant ideological interpretation: they assume that behind the facade there should be another truth hidden. The writer makes a specific deconstruction which is to some extent corresponds the principles of post-colonial studies, which took shape in the late 20th century.

Dostoevsky offers a literal interpretation of the publicly declared high ideological sense of what is happening and blames those who deny the very possibility of noble intentions in politics. Both the writer connect their literary, if not life, mission with deep spiritual processes of the national life, so the problem of the adequate model matters much for them.

Since the days of the naturalist school, Dostoevsky has been struggling with the model of the truth as an explication of the hidden motive and revelation of the secret seamy side. In the episode about the movement in support of the Balkan Slavs he tries to build a model of a more complex and multi-dimensional truth (regardless of whether he is right or wrong in his assessment of this particular episode of the ideological history).

Tolstoy generally permits the applicability of skeptical deconstruction to the majority of modern life phenomena. However, he holds the possibility of a truly high sense of spiritual life, of a miracle, like World War I (as we see it in his *War and Peace*). It is only necessary to distinguish the genuine from the huge number of fakes and simulations. Tolstoy searches for the genuine in the same area of implicit and profound that is hidden from both the naive victims of manipulation, who take the ideological façade of reality for the truth, and from the skeptics, who choose the total deconstruction.

References

1. Shemyakin, A.L. (2002) *Smert' grafa Vronskogo. K 125-letiyu Serbsko-turetskoy voyny 1876 g. i uchastiya v ney russkikh dobrovol'tsev* [The death of Count Vronsky. To the 125th anniversary of the Serbian-Turkish War of 1876 and participation of Russian volunteers]. Moscow: Indrik.
2. Fedosov, I.A. (ed.) (1981) *Rossiya i vostochnyy krizis 70-kh godov XIX v.* [Russia and the Eastern crisis of the 1870-s]. Moscow: Moscow State University.
3. Narochnitskiy, A.L. (ed.) (1978) *Rossiya i natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba na Balkanakh. 1875–1878* [Russia and the national liberation struggle in the Balkans. 1875–1878]. Moscow: Nauka.
4. Okorokov, A.V. (2007) *Russkie dobrovol'tsy* [Russian volunteers]. Moscow: Yauza, Eksmo.
5. Tolstoy, L.N. (1982) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Collected works. In 22 vols]. Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Said, E.V. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. The Western concept of the East]. St. Petersburg: Russkiy mir.
7. Chemyakin, E.Yu. (2012) *"Postkolonial'nye issledovaniya" kak istoriko-kul'turnyy fenomen vtoroy poloviny XX v.* ["Postcolonial Studies" as a historical and cultural phenomenon of the late 20th century]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Alekseev, P.V. (2016) *Vostok i vostochnyy tekst russkoy literatury pervoy poloviny XIX veka: kontseptosfera russkogo orientalizma* [The East and the Eastern text of Russian literature of the early 19th century: The conceptosphere of Russian Orientalism]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

9. Dostoevskiy, F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [collected Works and Letters. In 30 vols]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.
10. Kiselev, V.S. (2015) Pan-Slavism and Construction of National Identity in Russian and Polish Literature of the 19th Century. *Rusin.* 3(41). pp. 108–127. (In Russian).
11. Volgin, I.L. (1971) *Nravstvennye osnovy publitsistiki Dostoevskogo* (“Vostochnyy vopros” v “Dnevnikhe pisatelya”) [The moral foundations of Dostoevsky’s journalism (The “Eastern question” in “A Writer’s Diary”)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatura i yazyka.* 30(4). pp. 312–322.
12. Porochkina, I.M. (1983) *L.N. Tolstoy i slavyanskije narody: Literaturno-esteticheskie i sotsial’no-filosofskie vzaimosvyazi vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [L.N. Tolstoy and the Slavic peoples: The literary-aesthetic and socio-philosophical relationship of the late 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Leningrad State University.
13. Gunji, A. & Zhukov, K. (2000) On the roots of Eurasianism: The epilogue of Leo Tolstoy’s “Anna Karenina” and “Bysantinism and Slavdom” of Konstantin Leontiev. *Studies in Language and Culture (University of Tsukuba).* 52.
14. Kibalnik, S.A. (2010) Spory o Balkanskoy voyne na stranitsakh “Anny Kareninoy” [Disputes about the Balkan War in “Anna Karenina”]. *Russkaya literatura.* 4. pp. 39–44.
15. Vinogradov, V.V. (1976) *Poetika russkoy literatury: Izbrannyye trudy* [Poetics of Russian Literature: Selected Works]. Moscow: Nauka. pp. 4–187.
16. Bocharov, S.G. (1987) *Roman L.N. Tolstogo “Voyna i mir”* [L. Tolstoy’s “War and Peace”]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.